

Литературныя вѣности.

(М. Горькаго: „Лѣто“ и Ф. Крюкова: „Зыбь“).

Новый разсказъ М. Горькаго... Слова эти до сихъ поръ производятъ впечатлѣніе, и хватаешься за книжку „Знанія“, чтобы прочесть поскорѣе этотъ новый разсказъ. Вѣдь Горькій—это настоящая сказка русской литературы. Самородокъ, всѣмъ обязанный себѣ, своему уму и таланту, и такъ быстро овладѣвшій вниманіемъ не только Россіи, но всего міра произведенія котораго стали читать такіе слои населенія, которыя до тѣхъ поръ не притрогивались къ книгѣ.

Настоящій буревѣстникъ, появившійся передъ бурей, которая и подхватила его и занесла далеко, на маленькій итальянскій островъ, озаглавленный историческими воспоминаніями, на которомъ нѣкогда скучаль и безумствовалъ Тиверій.

Фееричность этой сказки ослѣпляетъ, когда думаешь о ней, хотя вѣдь нѣчто подобное уже бывало, потому что на свѣтѣ „все бывало“, какъ говоритъ старый раввинъ въ „Уриэль Акостѣ“. Еще большую и, во всякомъ случаѣ, болѣе прочную славу приобрѣлъ предъ французской великой революціей Жанъ-Жакъ Руссо, который тоже былъ бѣднякомъ, бездомнымъ бродягой, какъ и Горькій.

Но Горькій—наша современность. И онъ продолжаетъ писать, онъ выпускаетъ все новыя и новыя произведенія. Къ сожалѣнію они не увеличиваютъ уже очарованіе сказки. Прошло настроеніе, подхватившее и вознесшее Горькаго, нѣтъ уже мрачныхъ тучъ на

горизонтѣ не блистаютъ зарницы, насталь сѣренькій, скучный день, и при этомъ сѣромъ освѣщеніи поблекла легенда. Читатель ищетъ и уже не находитъ того, что онъ прежде отыскивалъ въ Горькомъ, хотя, пожалуй, измѣнился въ данномъ случаѣ не столько писатель, какъ читатель.

Вотъ и новая повѣсть Горькаго: „Лѣто“ вызвала разочарованіе. Пишутъ о паденіи таланта, а больше о томъ, что Горькаго тенденція „обняла черными лапами своими и не пускаетъ“. Отвѣтственность за то, что произведенія Горькаго не производятъ прежняго впечатлѣнія, возлагаютъ на социаль-демократовъ.

На самомъ дѣлѣ Горькій-писатель не такъ измѣнился, какъ многимъ кажется. Вѣдь, и въ прежнихъ произведеніяхъ его было мало дѣйствительности, жизни, но слишкомъ много выдумки. Немногіе изъ нихъ, какъ „Ярмарка въ Голтвѣ.“ „Дѣдъ Архипъ и Ленка“, „Калашниковъ“ (за исключеніемъ дѣланнаго конца и еще нѣсколько мелкихъ вполнѣ реальны. Разница лишь въ томъ, что тогда вдохновляли его Манфредъ и Чайльд-Гарольдъ, которыхъ онъ одѣвалъ въ босые кія опорки, теперь же въ своихъ произведеніяхъ онъ старается сочетать Степняка-Кравчинскаго съ Лѣсковымъ.

И сила изобразительности, заставляющая читателя вѣрить въ его придуманныхъ лицъ, какъ въ живыхъ, осталась прежняя, можетъ быть лишь усилилось стремленіе къ витѣватости языка, чѣмъ страдала и прежнія его произведенія, но что тогда не замѣчалось, даже производило впечатлѣніе оригинальности, но теперь оригинальность уже

примелькалась и вызывает досаду. Отсюда и толки объ упадкѣ таланта, чего на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, вовсе и нѣтъ, но лишь измѣнилось отношеніе публики къ этому таланту.

Разсказъ „Лѣто“ съ внѣшней стороны написанъ прекрасно. Это „пестрая сказка о прожитомъ лѣтѣ“, написанная „цвѣтными словами,“ какъ выражается во вступленіи герой разсказа, отъ имени котораго онъ написанъ. Съ отличающимъ его художественнымъ чутьемъ, теперь и съ большою опытностью, распоряжается Горькій эффектами въ своемъ разсказѣ. Все въ немъ гармонично, соотвѣтствуетъ одно другому, не выступаютъ впередъ ни описанія, ни разсужденія, и разсказъ похожъ на прекрасно вышитый цвѣтной коверъ.

Да, именно на цвѣтной коверъ, потому что лица въ этомъ разсказѣ не дѣйствительныя, а словно вышитыя на коврѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ рисуются ярко, какъ стражникъ, какъ Кузинъ, какъ солдатъ Гнѣдой, но опять-таки едва-ли вполне правдиво, другіе болѣе блѣдно, какъ группа молодыхъ пропагандистовъ, но всѣ они очень искусно сдѣланы, а не воспроизведены. И фономъ ихъ является не дѣйствительная деревенская жизнь, а цвѣтная коверъ.

Если бы деревня была въ самомъ дѣлѣ такой, какъ пишетъ Горькій, наша жизнь была бы совсѣмъ другая. Потому что въдѣ въ разсказѣ только говорится о темнотѣ народной, деревенскихъ людей, которые сегодня соглашаются съ тѣмъ, за что завтра убиваютъ, но въ разсказѣ мы этого не видимъ. Не только молодые пропагандисты, но и старики въ разсказѣ разсуждаютъ, какъ пишутъ, тѣмъ витиеватымъ языкомъ, которымъ любятъ писать Горькій. Вотъ напримѣръ: „учимся мы понимать окружившее насъ кольцо тяжкихъ нашихъ бѣдъ и нищеты нашей и злой да трусливой глупости“ и т. д. А молодые пропагандисты — тѣ совсѣмъ интеллигентны 70-хъ годовъ изъ книги Степняка-Кравчинскаго, такъ что когда они говорятъ: „завтра“ или „планты“, то, кажется, что это совсѣмъ имъ некстати.

Что и говорить, крестьяне люди и ничто человеческое имъ не чуждо, и многіе дѣлались вполне интеллигентами, но для этого имъ нужно было много читать, долго раздумывать, долго вращаться среди интеллигенции. Думается и въ городской средѣ уже нѣтъ того идеализма, какой былъ въ 70-хъ

годахъ среди передовой интеллигенціи, потому что въ нее хлынули люди изъ широкихъ и мало культурныхъ народныхъ слоевъ, и можетъ быть именно послѣднимъ объясняется практика экспроприаций, принявшая такіе широкіе и безобразные размѣры. Конечно, и въ деревенской молодежи есть и чистота мысли, и благородство стремленій, но все это выражается нѣсколько иначе, чѣмъ въ разсказѣ Горькаго: „Лѣто“.

Въ той же книжкѣ „Знанія“, какъ бы для исправленія разсказа Горькаго, помѣщенъ разсказъ бывшаго члена Государственной Думы (и бывшаго учителя нашего реального училища) г. Ф. Крюкова: „Зыбь“. И хотя разсказъ этотъ помѣщенъ далеко отъ Горькаго, въ самомъ концѣ книжки, но своею правдивостью онъ убиваетъ его. Изображена въ немъ та же крестьянская прогрессивная молодежь, какъ и у Горькаго. Но какая разница! Здѣсь дѣйствительно крестьяне (казаки) живые люди, но мало культурные, съ трудомъ усваивающіе новыя идеи, окрашивающіе ихъ въ свой цвѣтъ, перемѣшивающіе съ старыми привычками, возрѣніями предрассудками. Собой они рисуютъ ту темную среду, изъ которой вышли, но въ разсказѣ рисуется довольно и эта среда.

Великолѣпный молодой казакъ Терпугъ, главный герой разсказа, съ его природной силой, ищущей примѣненія, съ его стремленіемъ къ подвигу, изъ котораго на самомъ дѣлѣ выходитъ безобразная глупая экспроприация, просто мелкій грабежь. Когда читаешь разсказъ г. Крюкова, то лица его рисуются такъ ярко, такъ живо, что хочется крикнуть отъ восхищенія. Вотъ она настоящая жизнь, настоящая крестьянская среда, тронутая „зыбью“ политическаго движенія, тогда какъ Горькій, къ сожалѣнію, даетъ лишь отвлеченное, хотя и очень искусно сдѣланное и блестяще раскрашенное построеніе. Но правда выше выдумки.

Разсказъ г. Крюкова является безспорно лучшимъ въ этой книжкѣ „Знанія“, Кроме него, здѣсь помѣщены еще очеркъ г. Бунина: „Бѣденъ бѣсъ“ и его же стихотвореніе „Сѣнокосъ“, написанные съ присущей ему художественностью и картинностью, но безъ широты и размаха, чуждыхъ ему, и сценки г. Касаткина (нижегородца): „Въ уздѣ“. Послѣднія написаны бойко, живо, но слишкомъ отрывочно. Это какіе-то обрывки.

Читатель.